

A decorative black and white border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the central text.

АННА
КЭМПБЕЛЛ

Во имя
любви

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К98

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Anna Campbell
WHAT A DUKE DARES

Перевод с английского *Е. А. Ильиной*
Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*
В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Кэмпбелл, Анна.

К98 Во имя любви : [роман] / Анна Кэмпбелл ; [пер. с англ.
Е. А. Ильиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. —
352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-105494-6

Безупречный джентльмен Кэмден Ротермер, герцог Седжмур, долгие годы посвятил тому, чтобы очистить семейное имя, запятнанное погрязшими в скандалах родителями. Однако встреча со своенравной и необузданной подругой детства Пенелопой Торн нарушает спокойное течение его жизни. Обстоятельства вынуждают их заключить фиктивный брак. Но Кэмден бежит от любви как от огня, в то время как Пенелопа не мыслит жизни без нее. Чем закончится противостояние двух сильных личностей? И осмелится ли Кэмден, давно тайно влюбленный в Пенелопу, признаться в своих чувствах?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Anna Campbell, 2012

© Перевод. Е. А. Ильина, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-105494-6

Пролог

Хотон-Парк, Линкольншир, май 1819 года

Каждая молодая леди мечтает о том, чтобы ее руки попросил герцог, особенно — если обладатель этого титула богат, не лишен ума и настолько молод, что еще не потерял ни одного зуба.

Каждая молодая леди мечтает о подобном, — но только не Пенелопа Торн.

Стоявший посреди библиотеки Кэмден Ротермер, маркиз Пембридж, смотрел на девушку, которую знал с колыбели, и раздумывал о том, в чем именно он совершил ошибку. Расправив плечи, Кэмден улыбнулся — попытался хоть как-то сгладить неловкость.

Проклятье! Ведь в обществе Пенелопы Торн он прежде никогда не испытывал неловкости. До этой самой минуты. Пока с его губ не сорвались судьбоносные слова.

Ибо вместо того чтобы излучать радость от перспективы грядущего замужества, карие глаза Пен вспыхнули мятежным огнем, не предвещавшим ничего хорошего.

— Почему? — Уже не в первый раз за последние несколько часов она задавала Кэмдену этот вопрос.

Глупо конечно же, но Кэм никак не мог придумать вразумительный ответ. И в подобной ситуации он оказался по собственной вине. Зная Пен так, как знал ее он, следовало запастись целым списком веских причин, объясняющих выгоду предстоящего брака для них обоих.

И вот теперь Кэмден ужасно сожалел о том, что вообще затронул эту тему. Но отступать было поздно — слишком поздно! — если он хотел сохранить хоть каплю самоуважения.

— Черт возьми, Пен!.. Потому что ты мне нравишься, — ответил, наконец, Кэмден. И он не кривил душой. Его отношения к Пен не смогло изменить даже ее совершенно необъяснимое и возмутительное поведение. На всем свете не было девушки, которая нравилась бы ему больше, чем та, что сейчас взирала на него так, словно увидела какое-то чудовище.

Кэмден знал ее лучше кого бы то ни было. Знал даже лучше, чем свою сестру Лидию. Когда-то он выручал Пен из множества передряг — ведь девочкой она ни минуты не могла усидеть на месте. Выбирала для верховых прогулок самых необузданных жеребцов из отцовской конюшни, забиралась на самые высокие деревья в парке и ввязывалась в драки — чтобы защитить друга или какое-нибудь животное. Кэм всегда восхищался ее силой духа и смелостью.

Именно такими качествами, по его мнению, должна была обладать будущая герцогиня. Но бунтарский дух Пен следовало усмирить, и Кэм готов был обучить ее благопристойному поведению. Ведь все-таки она — Торн, а Торны славилась благоразумием. Да, Пен была импульсивна, но вместе с тем и очень умна. И Кэм был уверен, что она, став герцогиней Седжмур, непременно остепенится.

То есть он был уверен в этом до тех пор, пока не столкнулся с весьма холодной реакцией Пен на предложение руки и сердца.

— Ты мне тоже нравишься, — сказала она с невозмутимым видом. Увы, интонация, с которой были произнесены эти слова, нисколько не обнадеживала.

Пытаясь сохранить самообладание, Кэм сделал глубокий вдох и проговорил:

— Тогда в чем же дело?..

Пен рассмеялась, и в ее смехе прозвучали совершенно незнакомые ему горькие нотки. Кэму ужасно не хотелось так думать, но стало ясно, что перед ним замаячила весьма реальная перспектива потерпеть фиаско. Пен была умна, решительна, своевольна — впрочем, последнее качество он собирался искоренить — и неизменно оптимистична, но вот

теперь... Откуда же взялась горечь, прозвучавшая в ее смехе? Такого он раньше за ней не замечал. И он ни-

сколько не сомневался в том, что Пен согласится стать его женой.

Очевидно, он ошибался. А он не привык ошибаться. И ему, черт возьми, все это совсем не нравилось...

Голос Пен звучал на удивление ровно.

— Спрашиваешь, в чем же тогда дело? — переспросила девушка. — Ох, извини, Кэм. Придумай что-нибудь еще. Поубедительнее. — Сидя у высокого многостворчатого окна, она взирала на него словно учительница на бесперспективного ученика.

Кэмден же с трудом удерживался от желания ослабить галстук, ставший вдруг невероятно тугим. «О, Господи, но как же так?! — мысленно воскликнул он. — Ведь это же Пен!.. Она не из тех женщин, которые подвергают испытанию чувства мужчин. И она никогда не потребует больше, чем мужчина может дать. К тому же никогда не солжет и не предаст».

Кэм невольно вздохнул. Он не привык чувствовать себя болваном, особенно — в обществе представительниц прекрасного пола. Его нельзя было назвать слишком тщеславным, но все же он ожидал совсем иной реакции на свое предложение. Он-то думал, что Пен будет вне себя от радости, когда узнает, что ей представилась возможность стать герцогиней, — но она определенно не радовалась. Хотя должна была... В конце концов, эта девушка — всего лишь дочь барона, обедневшего к тому же... В то время как он, Кэм, наследник одной из богатейших семей Англии.

Являясь представителями весьма древнего рода, Торны всегда славились своей не слишком безупречной репутацией. В годы политической нестабильности они частенько принимали не ту сторону. Если же им удавалось заполучить хоть сколько-нибудь серьезную денежную сумму, они непременно теряли все до последнего пенни и зачастую оказывались замешанными в сомнительных и даже компрометирующих историях. Слова «вино, женщины и карты» вполне могли бы стать их семейным девизом. Только вот девиз этот никак не вязался с такими понятиями, как стабильность и надежность.

Предыдущее поколение Торнов представляло собой целую плеяду весьма эксцентричных личностей — чего стоил один лишь дядюшка, женившийся на собствен-

ной экономке и оказавшийся впоследствии двоеженцем! Алорд Уилмот, отец Пен, промотал приданое жены, растратив деньги на продажных женщин. Тетка же сбежала на континент в компании беспутных друзей. А Питер, друг Кэма и нынешний наследник титула, обожал проводить время за карточным столом и вкладывать деньги в заведомо убыточные предприятия. И если бы мать Кэма не дружила с леди Уилмот, то эти два семейства не имели бы ничего общего.

Но почему же Пен не приняла его предложение?.. Ведь в детстве она готова была целовать землю, по которой ступал ее старший приятель... Неужели он сглупил, сделав ставку на детское обожание? А может быть...

Внезапно у Кэма зародились ужасные подозрения. И действительно, может, он переоценил собственную значимость? Да, конечно, в обществе его боготворили как будущего герцога Седжмура и закрывали глаза на скандальное поведение его родителей. Но неужели нескончаемая лесть превратила его в самодовольного осла?

И если Пен тоже считает его высокомерным, то неудивительно, что его предложение встретило столь прохладный прием.

Невольно поморщившись, Кэм провел ладонью по волосам и со вздохом спросил:

— Я все испортил, да?

Пен заметно расслабилась, и губы ее растянулись в улыбке — восхитительно розовые и пухлые, они были созданы для поцелуев.

Кэм невольно вздохнул. «Но почему же я не замечал этого прежде?» — спрашивал он себя. Наверное, он слишком привык к ней — потому и не обращал внимания на происходившие с ней перемены. Ему ужасно не хотелось это признавать, но Пен уже не была той шаловливой девчонкой, которую он знал прежде. Как ни странно, но он только сейчас заметил, что его веселая и беззаботная подруга внезапно превратилась в красавицу-незнакомку. Но еще большее смятение в душе Кэма вызвало то обстоятельство, что он внезапно ощутил совершенно неожиданный прилив вожделения.

— Вот именно, все испортил, — кивнула Пенелопа. —

6 Но в этом — не только твоя вина. — С грацией, ко-

торой Кэм прежде у нее не замечал, она указала на кожаные кресла, стоявшие подле холодного камина. — Сядь, ради всего святого. И не нависай надо мной.

Вообще-то Кэм и не думал «нависать»... Но с его ростом действительно иногда казалось, что он нависал над окружающими его людьми. Что же касается Пенелопы... Хм... он всегда относился к ней как к проказнице, больше походившей на мальчишку, чем на девочку. Но сейчас вдруг выяснилось, что в этой красивой молодой женщине, сестре Питера, не было ничего мальчишеского. После их последней встречи — а Кэм, будучи не самым страстным ее поклонником, уже не помнил, когда именно она произошла, — Пен заметно повзрослела. Ее худощавая фигура обрела вполне заметные и весьма соблазнительные округлости, а живое немного заостренное личико, прежде казавшееся слишком большим для тщедушного тела, теперь поражало своей утонченной красотой. И еще волосы... Интересно, когда же это Пен удалось укротить свою непослушную гриву, превратив ее в каскад блестящих эбонитовых локонов?

В душе Кэмдена зародились мрачные предчувствия. Эта новая Пенелопа... Она вдруг представилась совершенно непостижимой и недоступной... Мысленно выругавшись, Кэм внимательно посмотрел на прекрасную сирену, внезапно появившуюся на месте сорвиголовы, не уступавшей в лихости ни одному мальчишке. И теперь он окончательно понял: перед ним была женщина в самом расцвете своей красоты — женщина, заставляющая мужчин совершать глупости.

Пример отца убеждал Кэма, что ни в коем случае нельзя брать в жены красавицу, так как это непременно приведет к катастрофе. Кэм с детства помнил сплетни о романе его матери с младшим братом собственного мужа, и теперь никто точно не знал, кто же являлся его настоящим отцом, хотя конечно же официально он считался Ротермером и, следовательно, сыном герцога.

Когда-то, давным-давно Кэм твердо решил взять в жены женщину, которая станет ему другом, а не предметом восхищения самых отъявленных лондонских повес. Да-да, ему требовалась жена, способная восстановить доброе имя семейства Ротермеров!

Домыслы о его происхождении преследовали Кэма с самого детства. Школа же стала для него сушим адом, и несмотря на все попытки Кэмдена сделать вид, будто шепот за спиной его совершенно не волновал, всякий раз при упоминании его имени начинались разговоры о том, что он — незаконнорожденный. Будь он проклят, если допустит, чтобы его собственные сыновья испытывали подобные мучения.

Тут Кэм напомнил себе, что сейчас перед ним стояла храбрая и честная Пенелопа Торн, готовая ради спасения котенка подраться с мальчишкой вдвое выше ее ростом. Однако, глядя на нее сейчас, он никак не мог представить себе девочку, принимавшую участие в многочисленных шалостях. Нет, он видел перед собой женщину, за внимание которой будут драться другие мужчины. Женщину, которая, вероятно, не устоит перед соблазном, — как в свое время не устояла его мать. Цветущая пышным цветом красота Пен заставляла Кэмдена желать ее, — вот только это сводило на нет все его надежды на спокойную семейную жизнь...

Чувствуя легкое головокружение, Кэм опустил в кресло, а Пен заняла другое. Господи всевышний! И когда это в ней появился этот лоск, это изящество?.. И где находился он сам, когда с Пен случилось такое превращение? В свои девятнадцать Пенелопа немного припозднилась с первым выходом в свет, но Кэмден был уверен, что она произведет настоящий фурор. Она войдет в танцевальные залы Лондона на этих изящных длинных ногах подобно грациозной тигрице, шествующей в окружении прекрасных бабочек.

— Я ценю тот факт, что ты решил исполнить волю наших матерей, — проговорила девушка. — Ведь они всегда желали нашего союза. — Кэму были до боли знакомы эти серьезные нотки в голосе Пен, и все же его не покидало ощущение, что он взлетел высоко в воздух... и приземлился в какой-то совершенно другой стране. — Но давай будем реалистами. Ведь я тебе не пара.

Хотя дурные предчувствия подсказывали, что Пен, возможно, права, ее отказ уязвил гордость Кэмдена.

— Но мы же знаем друг друга настолько хорошо...

— Именно поэтому из нашего союза не получится ничего хорошего, — перебила красавица.

— Но почему?..

Губы Пен дрогнули, и она со вздохом ответила:

— Ты повторил вопрос, который я хотел адресовать тебе. Кэм, тебе нужна жена, обладающая достоинством и умеющая вести себя в обществе — то есть настоящая герцогиня. Ты, должно быть, позабыл, как вытаскивал меня из различных передряг.

— Ты еще слишком молода, и тебя можно обучить, — произнес Кэм, прежде чем успел осознать, что подобные слова, скорее всего, еще больше оттолкнут Пен. Обычно он говорил правильные вещи, но эта встреча напрочь лишила его самообладания.

Лицо Пенелопы тотчас же приобрело ледяное выражение.

— Я не собачка, чтобы прибегать к тебе по первому свистку, — заявила она.

Кэмден тяжело вздохнул.

— Ты прекрасно знаешь, что я не этого жду от своей супруги.

— В самом деле? — Пенелопа вскинула брови. — Но ты ведь всю жизнь посвятил тому, чтобы быть выше своих родителей. Ты никогда не делал тайны из своего стремления никогда больше не позорить имя свое семьи.

Кэм едва не заскрежетал зубами. Разговоры о грехопадении матери приводили его в ярость.

— Пен, я бы не хотел сейчас говорить об этом.

— Хочешь ты этого или нет, но подобные разговоры всегда сопровождали каждый твой шаг, — возразила девушка.

Кэм поморщился и пробурчал:

— И все-таки... давай поговорим на другую тему.

— Если ты о своем предложении, — то не стоит. От меня у тебя будут одни лишь неприятности.

— Ты ошибаешься, Пен. Из тебя получится превосходная герцогиня.

— Нет, это ты ошибаешься. Я слишком независима, чтобы стать чьей-либо герцогиней, тем более — твоей.

— Ты сможешь измениться, — со вздохом пробормотал Кэмден. Зря он не выпил тот стакан бренди, что предлагал ему лорд Уилмот. Кэм не привык принимать

отказы, да еще — столь решительные. Но где же его знаменитая уверенность в себе?

— Наверное, смогла бы, если б захотела, — ответила Пен. — Но я не хочу меняться. И зачем тебе, Кэм, прибавлять скандалы в твоей семье к скандалам моей? Ведь в итоге ничего не изменится, и сплетни будут преследовать нас до конца жизни. Не обижайся, но я говорю то, что думаю. Поверь, женившись на мне, ты станешь предметом сплетен и всевозможных пересудов и в конце концов возненавидишь меня.

— Но ты, Пен, единственная, кого я всегда представлял в роли своей жены. Еще мальчишкой я принял решение на тебе жениться, — заявил Кэм. — И не забывай: наши семьи всегда желали, чтобы я сделал тебя своей герцогиней.

Пенелопа тихонько вздохнула и, криво усмехнувшись, ответила:

— Прости, Кэм, но впервые в жизни твои ожидания не оправдались. И знаешь... Ведь ты меня не любишь.

Кэмден вздрогнул — и замер в изумлении. Черт побери! При чем здесь любовь?! Ведь Пенелопа слишком умна, чтобы говорить о таких глупостях!

— Пен, я очень тебя ценю. Более того, я восхищаюсь тобой и наслаждаюсь твоим обществом. Ты знаешь поместье Фентонуик как свои пять пальцев. И ты прекрасно знаешь меня, поэтому...

— Все это очень хорошо, Кэм, — перебила девушка с грустной улыбкой, — но я не выйду замуж без любви.

Кэмден не выдержал и, вскочив на ноги, заявил:

— У нас у обоих перед глазами пример родителей, заключивших брак по любви. В результате этой самой любви мой отец превратился в жестокого тирана, а мать стала олицетворением распутства. Прости, что говорю это, но твои родители не лучше. Неужели все это до сих пор не убедило тебя в том, что дружба и уважение являются более прочным фундаментом для брака, нежели мимолетная плотская страсть?

— Сомневаюсь, что наши родители понимали, что такое настоящая любовь. — От переполнявших Пенелопу эмоций ее голос звучал глухо и надрывно, что еще больше убеждало

Кэмдена в том, что фиаско неотвратимо. — Ведь настоящая любовь предполагает жертвенность и само-

отречение — то есть каждый из супругов должен быть готов пожертвовать собой ради счастья второй половины.

— Ты идеалистка! — в негодовании воскликнул Кэм.

— Да, Кэм, я такая. — Пен медленно поднялась с кресла и, посмотрев на собеседника с каким-то странным и загадочным выражением на лице, тихо добавила: — Я считаю, что любовь делает жизнь полной и значимой. Никто не должен вступать в брак без любви. А ты, Кэм, еще слишком молод для того, чтобы остепениться и завести семью.

Кэмден с трудом держал себя в руках. Он редко впадал в гнев, но в данный момент ему ужасно хотелось запустить в стену одну из китайских фарфоровых собачек эпохи Мин, украшавших каминную полку.

— Вообще-то мне уже двадцать семь, — пробурчал Кэм.

Пенелопа фыркнула и заявила:

— А мне — всего девятнадцать. И уж я-то точно слишком молода для второсортного брака.

— Сомневаюсь, что брак с герцогом Седжмуром можно назвать второсортным, — холодно заметил Кэмден. «Куда же делась подруга моего детства?» — в отчаянии спрашивал он себя.

Пен тихо вздохнула и так же тихо проговорила:

— Можно, Кэм. Если герцог предлагает одну лишь привязанность, — то можно.

Кэмден сделал глубокий вдох и шумно выдохнул. В данный момент ему оставалось лишь надеяться, что Пенелопа не заметит его возбуждения. В противном случае унижение было бы окончательным...

— Ты бы предпочла, чтобы я солгал?! — прорычал он.

Девушка поморщилась и со вздохом ответила:

— Даже если бы ты солгал, я не поверила бы тебе, Кэм. Я знаю тебя очень давно, и мне прекрасно известно, что такое понятие как любовь для тебя просто-напросто не существует.

Кэмден пытаясь говорить как можно спокойнее — гневные нотки лишь отпугнули бы Пенелопу:

— Пен, но подумай о преимуществах...

Девушка выпятила подбородок и с вызовом в голосе заявила:

— В данный момент я не вижу ни одного — помимо богатства, конечно же.

Не в силах сдержаться, Кэмден стремительно поднялся с кресла и гневно взглянул на девушку. А она взглянула на него с усмешкой и, не выказав ни малейшего испуга, проговорила:

— Не стоит напускать на себя столько важности, Кэм. Этот взгляд перестал производить на меня впечатление еще до твоего отъезда в Итон.

Пенелопа прошла по комнате и коснулась каминной полки. Заметив, как дрожали ее пальцы, Кэмден вдруг понял: несмотря на внешнее спокойствие, она сильно нервничала. Но разве могло быть иначе? Ведь Пен всегда принимала все слишком уж близко к сердцу... Сколько раз он заставлял ее в слезах после того, как братья намеренно задевали ее за больное. Но при этом Пенелопа Торн была чрезвычайно гордой — еще одно превосходное качество для настоящей герцогини...

Но, увы, очевидно, она не станет его герцогиней. Что ж, не только Пен обладала гордостью. Смерив девушку высокомерным взглядом, Кэмден холодно проговорил:

— Надо полагать, ты мне отказываешь, не так ли?

Костяшки пальцев, теперь уже вцепившихся в каминную полку, заметно побелели. Однако в остальном Пенелопа даже бровью не повела.

— Да, отказываю. — Она немного помолчала. — Но я ценю твою снисходительность.

Ложь была настолько очевидной, что при других обстоятельствах Кэмден непременно рассмеялся бы. Только вот уязвленное самолюбие напрочь лишило его чувства юмора. Слепленный гневом, он коротко кивнул и проговорил:

— В таком случае, мисс Торн, не смею более претендовать на ваше драгоценное время. Всего наилучшего.

Что-то очень похожее на боль промелькнуло в карих глазах девушки, но Кэмден сейчас был слишком зол, чтобы думать об этом.

— Кэм... — Пенелопа шагнула к нему.

— Всего вам доброго, мадам. — С этим словами Кэмден развернулся на каблуках и вышел за дверь.

Провожая его взглядом, Пен мысленно твердила: «Я поступила правильно, я поступила правильно...» Но она конечно же в это не верила. И чувствовала себя отвратительно — на душе было гадко, как если бы она проглотила жабу.

Колени подкашивались, и Пен вцепилась в каминную полку, чтобы не упасть. Увы, ничто не могло изменить беспощадную реальность. Было совершенно очевидно: Кэм ее не любил и никогда не полюбит. Ничто в их сегодняшнем разговоре не указывало на обратное.

Когда-то, будучи глупой девчонкой, она мечтала о том, чтобы он потерял голову от любви к ней. Да и какая девочка, жившая по соседству с великолепным наследником семейства Ротермер, не мечтала бы о будущем, похожем на сказку? Тем более что мать Пенелопы всячески потворствовала подобным мечтам...

Но все это было до того, как Пен выросла и осознала суровую правду жизни. Правду, которая открылась ей в возрасте шестнадцати лет. Однажды летом, гостя в поместье Фентонуик, она подслушала, как Кэм обсуждал со своим лучшим другом Ричардом Хармзуортом способы отвадить обхаживавшую его великосветскую молоденькую красотку. Когда же Ричард заговорил о том, насколько смешотворна ее влюбленность, Кэм резко его оборвал, заявив, что это — еще одна причина, по которой ему необходимо отвадить эту юную леди. И сказал он потом буквально следующее:

«Любви и романтике нет места в моей жизни — ни сейчас, ни потом, старина. Пусть другие остаются в дураках. Уж я-то видел, сколько неприятностей причинило это тлетворное чувство. Любовь заманивает человека в западню, чтобы наполнить его жизнь горечью и предательством. Я никогда не женюсь на женщине, рассчитывающей на мою любовь».

Даже сейчас к горлу Пен подкатывала тошнота при воспоминании о том самоуверенном заявлении Кэмдена. Сначала она надеялась, что это была просто бравада, но в последующие три года Кэм только и делал, что доказывал свое твердое намерение избегать романтических переживаний. И даже в общении с самыми близкими ему людьми он не раскрывал свою душу до конца. С годами же эта отчужденность стала лишь заметнее.

Кэмден Ротермер был богат, красив, умен, благороден и смел. К тому же — абсолютно независим. Но все же Пен молилась о том, чтобы он оставил без внимания попытку своей матери женить его на дочери лучшей подруги. Но тот, увы, счел своим долгом сделать Пенелопе предложение. При этом он совершенно не скрывал, что его интерес к ней не имел ничего общего с нежностью и любовью...

Если бы Пенелопа заметила хоть малейший намек на романтические чувства со стороны Кэмдена, она попыталась бы измениться и стать той женщиной, которую ему хотелось бы видеть в роли будущей герцогини. Но она прекрасно знала Кэма и не обманывалась на его счет. Ему не нужен был брак по любви, а ей — без одной.

«Но что же делать, что делать?..» — спрашивала себя девушка, прекрасно понимая, что семья ждала известий о помолвке. А ее отказ принять предложение самого завидного жениха в королевстве вызвал бы среди родственников настоящий переполох. Именно поэтому она сейчас никак не могла предстать перед разъяренной матерью.

«А может, заплакать?» — подумала девушка, но тотчас же отказалась от этой идеи. Ведь если она прольет хоть слезинку, расспросам и укорам не будет конца; ее мать всегда была уверена, что женские слезы — всего лишь уловка. И конечно же ей и в голову не пришло бы успокаивать дочь.

Пен судорожно сглотнула и поспешила к окну, выходящему на подъездную аллею. Как раз в этот момент Кэм вскочил на своего восхитительного гнедого. Но он не оглянулся, чтобы посмотреть на ее окно. Да и с чего ему оглядываться? Он ведь стремился как можно скорее убраться отсюда... Для славившегося своей сдержанностью человека он сегодня был как никогда близок к тому, чтобы выйти из себя.

Удивительно! Пенелопа даже представить себе не могла, что ему настолько безразлична судьба их союза. И если уж честно, то она вообще не могла представить, чтобы Кэма что-то могло задеть за живое.

А ведь он ожидал, что она без колебаний примет его предложение — пусть даже она совершенно не подходила ему ни по одному из параметров... кроме одного: Пен точно знала, что будет любить его до конца своих дней.

Глава 1

Кале, Франция, январь 1828 года

В унылые предрассветные часы, знаменующие окончание ночи, огарок свечи тускло освещал убогую комнату захламленной гостиницы. Ветер, громыхавший плохо подогнанными рамами, приносил с моря скрип пришвартованных в гавани кораблей и зловоние протухшей рыбы. А лежавший на узкой кровати задышавшийся человек судорожно хватал ртом воздух.

Кэмден Ротермер, герцог Седжмур, со вздохом наклонился, чтобы взбить подушки под головой своего умирающего друга. Когда Кэм опустился на стул рядом с кроватью, Питер Торн открыл глаза. Хотя они с Питером почти не общались на протяжении многих лет, Кэм знал о многочисленных неудачах друга. Торны славились разгульным образом жизни, так что старший сын и наследник, проигравший все свое состояние, был далеко не худшим представителем этого семейства.

Кэм прибыл в Кале несколько часов назад и сразу же приехал сюда. Застав у друга доктора, он расспросил его о состоянии больного, и утомленный французский медик не стал лгать и выложил все начистоту.

Сначала Питер пребывал в состоянии, близком к бессознательному, но сейчас взгляд его казался вполне осмысленным. Лицо больного было ужасно изможденным — глаза же глубоко провалились в темные глазницы, — и Кэму казалось, будто он видел перед собой не человека, а скелет.

— Ты... приехал, — с трудом произнес умирающий — и зашелся в надрывном кашле.